

Моя Короткая Автобиография

Будь проклят тот,
кто век от века
тюрьмой исправить
хочет человека!

Мухаммадсолих Абутов

Часть I

Я родился 27 мая 1969 г. в г.Турткуль. Отец мой покойный работал вулканизатором, а мама уборщицей, они были глубоко верующими людьми. И они были родственниками, то есть, дети брата и сестры. Их родители были репрессированы в годы сталинских репрессий, потому что в свое время были знатоками Исламской религии. Отец мой родился в 1928 году, умер в 2006 году, 12 марта. Моя мама родилась в 1934 году. И она страдает, кроме старости, сахарным диабетом и туберкулезом.

Я пошел в среднюю школу в 1975 году, окончил ее в 1985. В эти годы была советская власть, и естественно, в школе учили коммунистической идеологии. То есть, идеологии безбожников. Я только теперь понимаю, как тяжело было детям мусульманского народа в СССР. Коммунисты насильственно отняли у нашего народа веру, убивали ученых, уничтожили книги и так далее.

Но наши родители, все-таки, оставались верующими и в семье воспитывали детей на основе исламской идеологии, что противоречило школьным предметам и учителям.

Я еще помню случаи, как в школе учителя говорили, что Бога нет, мир сам по себе возник и прочее. Придя домой, дети сразу стали спрашивать родителей, так ли это на самом деле?! На что родители отвечали, чтобы мы не верили им, что есть создатель всего сущего, единый великий Аллах. В этой противоречивой атмосфере сформировалось и мое мировоззрение. У меня появился инстинкт ненависти к коммунистам.

Я с детства изучал чтение молитв. То есть, я наизусть выучил несколько стихов из Корана и несколько молитв. Тогда мне еще не было 12 лет. Потом, каждые три месяца, родители отправляли меня на каникулы в деревню к родственникам, к старому человеку по имени Саид Махмуд, который был имамом своего колхоза. Этот человек, который умер в 92- летнем возрасте в 2004 г., научил меня читать Коран на арабском языке (пусть будет ему милость Аллаха!). Также, кроме чтения Корана, я изучал чтение рукописных тюркских книг на арабском алфавите, которым пользовались наши предки в дореволюционный период. Я стихотворения великого Алишера Навои, Физули и многих других изучал в подлиннике, то есть, на арабском алфавите, что сильно отличается от арабского языка. Я сам тоже начал писать стихи в классическом жанре «газель» и избрал себе псевдоним «Сахвий». И до сих пор пишу стихи, хотя они нигде не были опубликованы.

В 1987-1989 году я служил в армии в г. Серпухове Московской области. После демобилизации в 1990 году приехал в Москву, хотел сдать документы в МГУ, на факультет журналистики. Но здесь требовали статьи, опубликованные в газетах – статья или стихотворение, – которых у меня не было. Поехал даже в МГИМО узнать, как и что там. Там было только два факультета – «Международные отношения» и «Международные экономические отношения». И на каждом было по четыре предмета, которые я плохо знал. Русский язык и математику я не мог, поэтому не решился подавать документы туда. Также я был в Институте стран Азии и Африки, недалеко от Кремля. Меня интересовала литература или арабский язык. В итоге, я поехал в Ленинград и сдал документы в ЛГУ, на восточный факультет, это было в 1990 году, летом. Среди абитуриентов я был один из Средней Азии. Я тогда был молодой, 20 лет, и плохо знал русский язык. Там было четыре предмета: иностранный язык (на арабском), история России (1986-1969 г.г.), литература (я окончил национальную школу, а мне попала пьеса М. Горького «На дне», о которой я даже не слышал). В общем, я не смог поступить и поехал в Ташкент. И там тоже я старался поступить в ТашГУ на филологический факультет, и также не смог сдавать экзамены.

Я там остался, устроился на работу в СУ-10 монтажником, жил в общежитии, вечером после работы и по выходным посещал мечеть «Тухтабой вачча». Имамом там был Назаров Обидхон Сабитханович (сейчас он в Швеции), он тоже был тогда молодым, лет тридцати, может, меньше.

Тогда я научился правильно читать Коран – по правилам, там же узнал о различиях «двух течений». Старое ортодоксальное называли ханафитами. Новое течение – «Ахли сунна» или ваххабитами. Изменилась политика и изменилось отношение к религии на всей территории Советского Союза – был переходный период. Вскоре, в августе 1991 года, произошел путч, в итоге перестал существовать СССР. И все республики стали независимые. В тот период в Узбекистане открылись сотни мечетей и медресе. Власть не могла контролировать ситуацию, появились и различные религиозные течения, и политические партии, и преступные группировки – везде, по всей территории, бывшего Союза, и в Узбекистане также. Я тогда поехал учиться в г.Андижан, где были многие известные и авторитетные ученые Ислама. И эти ученые тоже разделились по двум позициям. Первые – те, кто получил образование в г. Бухаре и работал имамом при Союзе, были осторожнее, они не поддавались переменам, не стали критиковать бывшие коммунистические режимы, и нынешние тоже. Вторые, вдохновленные идеями свободы слова, стали в своих пятничных проповедях критиковать прошлые режимы и их несправедливое отношение ко всем мусульманам, и так далее. Именно среди таких ученых почти все получили знания не в медресе, а частным образом. Такие имамы имели большую популярность и авторитет среди населения. Именно таких и ненавидели чиновники и правоохранительные органы республики. Наиболее известными среди таких имамов были: Мирзаев Абдували, имам из Андижана.

В 1995 году, 27 августа, он исчез из ташкентского аэропорта со своим спутником Рамазаном. Абдулахад, имам мечети «Гумбаз» в г. Намангане. В 1998 г. был осужден на 17 лет лишения свободы. Мухаммад ражаб-кори (Тоштемир Нурматов), имам Кокандской мечети «Хаваканд». В 1993 году был осужден на 13 лет лишения свободы, в 1998 году пересудили и дали 20 лет лишения свободы. Назаров Обидхон, имам ташкентской мечети «Тухтабой вачча», ему удалось бежать из Узбекистана. Тулкин-кори, имам мечети «Чукурсай». Тоже бежал из Узбекистана.

И еще многие другие, менее известные, их звали «ваххабитами». И те имамы, которых поддерживала власть, которые «ханафитами» называются, тоже были репрессированы. Многие из них убежали за границу, а некоторые получили сроки. И тогда многие представители политических партий и движений, например, Мухаммад Салих – лидер партии «Эрк», и Абдурахим Пулат – лидер народного движения «Бирлик», бежали из республики. И многие писатели, журналисты, поэты и политические деятели тоже были репрессированы из-за своих политических мировоззрений. Я лично видел: Самандара Коканова – депутата, нефтяного магната; Анвара – ташкентского банкира: умер в «Сангороде» в г. Ташкент; Рустама Усманова – владельца одного из первых коммерческих банков в Андижане; Мамадали Махмудова – писателя, члена партии «Эрк»; Бекчанова Мухаммада – журналиста, брат Мухаммада Салиха, лидера партии «Эрк».

И из преступных авторитетов тоже многие были убиты в тюрьмах и лагерях.

Я обо всех, кого сам видел в лагерях, кого вспомнил, писал. Но этот период дальше еще отдельно опишу.

Часть II

В Турткуле. 1990 – 1996 г.г.

Итак, в 1990-1992 г.г. я побывал в Ташкенте, Андижане, Намангане, Самарканде, Бухаре, и везде знакомился с известными имамами и старался глубоко изучить Ислам. Хотя считаю своими учителями многих, но главный мой учитель – Абдували Мирзаев. Мне известен уровень знаний имамов. И я знаю уровень не только религиозных, но и политических, исторических, литературных и прочих знаний, которые помогают определять, кто есть кто. А самое главное – кто истинно придерживается исламского образа жизни, а кто лицемерит и только ради своих корыстных целей использует Ислам – ради достижения мирских благ или чтобы завоевать вершины власти, духовной, конечно. Исходя из всего этого, я могу сказать, что Абдували Мирзаев (пусть поможет ему Аллах!) был искренним мусульманином и настоящим знатоком Ислама. За все, что у меня есть в смысле исламских понятий, я благодарен этому человеку.

Итак, в 1992 г., приехав в свой город Турткуль, я вместе со своими учениками, ровесниками, друзьями, а также родственниками построил мечеть «Аламли-бобо», хотя у нас в городе была еще старая мечеть, имамом которой был Джумабой хаджи, приехавший из Туркмении в 1985 году. Он был выпускником Бухарского медресе и в городе пользовался большим авторитетом и уважением.

Я скажу свою точку зрения: этот человек, во-первых, не был исламским ученым, он не понимал сущности этой религии вообще. Он был по своему характеру человек трусливый, который все время живет в страхе перед своим окружением. Его цель – использовать Ислам ради своего мирского блага, то есть, построить дом, купить машину, и так далее. Есть предположение, что он работает согласованно со спецслужбами Узбекистана, поэтому ему позволяют сохранять свой пост вот уже больше 20 лет. Он хитрый, коварный, осторожный, трусливый и безжалостный человек. Но эти качества для истинного мусульманина не считаются достоинствами.

Я был тогда 23-летний молодой, энергичный человек, не имеющий популярности среди горожан и не имеющий материальных возможностей. Был горячим, но глупым. Из-за этого я ему публично делал замечания по поводу его ошибок. Он меня ненавидел, конечно, он запретил мне со своими учениками приходить в мечеть для изучения Ислама. И это был повод для меня, чтобы начать строить новую мечеть. Ее построили за два года. Все это время я там учил местных детей исламскому вероучению, бесплатно раздавал книги.

В отличие от других мечетей, у нас не было ящика для пожертвований, мы не брали деньги за чтение Корана. Мы призывали население города поклоняться единому Аллаху и объясняли некоторые ошибочные представления людей по поводу поклонения святым, кладбищам, и так далее. И все это дало повод имаму обвинить меня в ваххабизме и убеждать представителей власти и правоохранительных органов в этом. Тогда и начались против меня активные всесторонние действия РОВД, СНБ и прокуратуры нашего города. Из-за этого впоследствии мне неоднократно угрожали и мечеть закрыли за то, что она не была зарегистрирована. Я зарегистрировал мечеть в Ташкенте, в Духовном управлении мусульман. Копии этих документов есть в моем первом деле.

Зимой, в январе месяце 1996 года, был месяц Рамадан, держали пост. Нашу мечеть закрыли, я тогда поехал в Ургенч, в гости к тете, у меня было там много знакомых братьев-мусульман. Многих потом посадили по ст. 159. За что меня тогда задержало РОВД г. Турткуля, не помню. Они привезли меня в отдел, не говоря ни слова – сотрудники уголовного розыска Максуд, Рустам, Аллоберген, Азим. Вот они тогда меня избили. Меня мучили, одевали противогаз, чтобы получить признательные показания о том, что я якобы сжег ворота дома имама Джумабая. Тогда в КПЗ было больше десяти человек – все мои ученики были. Мне дали статью 97 через 25, то есть, попытка зверского убийства. Подбросили анашу, но от этого сам Аллах спас меня. Перед этим, 28 августа 1995 г. имам Андижанской мечети «Джоме» Абдували Мирзаев исчез из аэропорта.

Я тогда поехал в Андижан встретиться с заместителем Имама Абдугаффаром и братом Абдували, Абдулгани. Мне сказали, что от имени мечетей будут писать письма на имя президента И.А. Каримова, чтобы помочь нам найти имама. И в октябре месяце я отправил такое письмо с 32 подписями посетителей своей мечети. И с тех пор все эти 32 человека – на строгом учете в СНБ, прокуратуре и РОВД г. Турткуля. И из них пять человек были осуждены по статье 159 после теракта в Ташкенте в феврале в 1999 г. Именно это письмо сыграло важнейшую роль в судьбе моих учеников и меня самого. Именно после этого из центра был тайный указ в городскую СНБ, чтобы заниматься этими людьми. Я оказался их старшим, да еще и учеником того самого имама А. Мирзаева, исчезновение которого было организовано лично по указу президента.

Следствие проводил заместитель прокурора г. Турткуль по имени тоже Жумабой, фамилии его не знаю. Во время следствия мне говорили, что писать и как писать, и я писал под пытками. Я до сих пор не знаю, что там вообще сгорело, но я точно знаю, что я не жег дома этого имама, и это менты сами лучше меня знают. И Аллах лучше всех знает.

В следственном изоляторе № 9 г.Нукуса меня несколько раз пытали казахи или каракалпаки, грубые и беспощадные. Я – узбек, и все горожане наши узбеки, приехавшие с того берега Амударья на этот берег. Там Хорезмская область, а река – граница между Хорезмом и Каракалпакстаном. В этой тюрьме я попал в 32-ю камеру. В камере шконка на 10 человек, но там было человек 30 или больше. Тюрьма была режимной, то есть «красной».

В хате нельзя было днем сидеть на кровати и спать. Но по ночам там на каждой шконке по два человека спали, и половина людей спали в проходе на земле. Матрасы страшные, простыней вообще нет. Самое худшее было там – клопы и клещ, круглый, красный, страшный, кусает, спать невозможно. Еще жара там летом на улице 30-400 в камере по 50-600, наверное, бывает. И еще все курят. Самое худшее – воды не было. В туалет не могли сходить. Тяжело было тогда, очень тяжело. И каждую неделю шмон, при шмоне всех дубинками в коридоре бьют, и опять же – ни за что. Еще в оперчасть вызывают, там они постоянно пьяные были и на нас тренировались. Самым худшим был начальник режимной части Бабажанов, имя его не помню. Он был нечеловек – думаю, у него не сердце, а камень, наверное. Как я слышал, он потом, в 2000 г., стал начальником в новой зоне Джаслык, как и Гуантанамо, известной всему миру, и показал всем, на что способен человек, подобный зверю. Я вообще не знал до этого слов «красная», «черная» – эти термины означают режимную и безрежимную тюрьмы. СИ-9 – самая жестокая, красная из краснейших тюрем, где при встрече этапа конкретно ломают, страшно бьют, и при отправлении тоже. Там не существует прав человека, прав арестанта. Или там дезинфекции, или медпомощи, и так далее. Я точно знаю, что в любом месте в мире животные в лучших условиях содержатся, чем в СИ-9.

12 июля 1996 года, после месячного процесса, Верховный суд Каракалпакии дал мне 7 лет лишения свободы по ст. 173 (уничтожение имущества), предъявили иск 14 000 сумов. Судья по имени Анажон снял с меня ст.97 и другие.

После суда, 26 августа того же года, вышла амнистия в связи с днем Независимости республики Узбекистан. Там было написано, что у кого больше пяти лет срок, тем срезать 1/3 часть. Я тогда был еще в СИ-9. В сентябре месяце отправили поездом в ташкентскую тюрьму СИ-1. Это была большая, на арестантском термине – «черная» тюрьма. Там более-менее чувствовал, что жить можно. Где-то через десять дней отправили в колонию КИН-3. Два часа ехали на машине в Ташкентскую область, поселок Таваксай. Это был горный район, курортное место. Зона была тоже «черной», то есть, режим в ней не соблюдался. Там были преступные авторитеты, и они устроили там свои законы и порядки. В этом же месте я просидел до конца 2000-го года.

Именно этот период своей жизни, с религиозной точки зрения, я считаю своими лучшими годами в моральном смысле слова. Я был религиозным человеком, хотел распространять Ислам, призывать людей к истине, но у меня не было для этого возможностей. Я в жизни не стремился богатству, не старался построить дом, купить машину или построить семью, или еще что-то мирского плана. Я старался служить исламским идеалам, просвещать себя всецело, и у меня не было такой возможности.

Именно это Аллах Всевышний дал меня тогда, когда я оказался за решеткой. И я жду за все это вознаграждения и милости всевышнего на том свете, инша-Аллах!

Часть III

1996-2000 г.г. Колония исполнения наказания №3, Таваксай.

В Таваксайской колонии общего режима содержалось около 5 000 человек. Но в зоне не было работы – как и на воле после распада Союза. Безработными остались сотни тысяч людей, в КИН тем более. Но все равно, как обычно, с 8 утра людей загоняли из жилой зоны на промзону. Там территория была большая, и тысячи людей там кто, где, как, сами по себе, располагались, по своим «семьям» – по 4-5 человек. Там же обедают и ужинают. С утра до вечера были там. На промке было несколько двухэтажных зданий, когда-то был цех какой-то. Переоборудовали один небольшой цех как мечеть, и там около 50-100 человек совершали молитву и изучали, кто как, книги исламские. По статьям они были разные уголовники: воры, наркоманы, разбойники, бакланы, и так далее.

Но среди них было около 20 человек – по статьям тоже уголовным, но на самом деле, они из-за политических или религиозных вероубеждений были лишены свободы. После теракта в феврале 1999 г. начали сажать людей по ст.159, 244-248 и так далее. Я тоже относился к таким, и мы все друг друга знали, и другие нас знали. Потому что нас каждый раз на 2-3 срока сажали в изолятор, и мы были под надзором СНБ. Эти люди были, в основном, ташкентские и из Ферганской долины.

Все были верующими, но не все были знатоками Ислама! Я оказался более ученым среди них, и я там начал свою деятельность. Со стороны администрации учреждения контроля почти не было. Были благоприятные условия для изучения и преподавания, только не хватало литературы. Тогда я сам, по воспоминаниям и с помощью узбекского перевода Корана, написал одну книгу, по которой, более или менее, можно было изучать основные догмы Ислама. Книга называлась «Основы веры», и там подробно разъяснялась суть Ислама – «Единобожия». Кроме этого, мы там изучали буквы арабского алфавита и учились правильно читать Коран наизусть.

В короткие сроки вокруг меня собрались 20-30 человек, братьев по вере. Бывшие преступники стали искренне верующими – понимали смысл жизни, свой долг и обязанности перед людьми и перед Аллахом. И их характеры тоже изменились. Всему этому я тоже радовался, конечно. Я чувствовал себя истинным мусульманином, проповедником на пути Аллаха. Это было для меня смыслом жизни. И, благодаря Всевышнему Аллаху, там образовалась группа молодых мусульман, которых объединял дух исламского братства. Все мечтали после освобождения переустроить свою жизнь на основе Ислама. Уровни знаний были разные, кто-то среди них был старше, поэтому, естественно, они и стали лидерами.

Там, в условиях зоны, не давали возможности всегда быть вместе, поэтому мы разделились на три маленькие группы. Каждая из них жила автономно. Тогда появились три лидера этих групп: Абдуллох, Умар и Абдураззак.

Все эти лидеры имели жизненный опыт и хорошо изучили религию, и все были старше, чем другие. Состав наш каждый месяц изменялся: кто-то освобождался, кто-то новенький присоединялся к нам. Даже воровские авторитеты, которые запрещали нам объединяться, тоже стали оказываться в нашем братском единстве. Мы все друг друга поддерживали и морально и материально.

Именно тогда на меня было сильное давление со стороны уголовников – может, по заказу администрации. Были случаи – они несколько раз били меня по разным причинам и запретили мне распространять свою религию, потому что по их понятиям это было неправильно. Тогда освободились некоторые лидеры, и Абдураззак с Умаром два раза посещали меня в колонии. Свиданий не было, но передавали передачи. И это тоже тревожило администрацию, хотя в этом не было ничего плохого. Я их не учил убивать или взрывать что-либо, я их просто научил делать людям добро!

Шло время, в 1998 году закрыли мечеть зоновскую и запретили нам вместе молиться. 16 февраля 1999 года вообще стало тяжело. 5 человек из моего города Турткуля, в том числе, моего брата, Абутова Сайдкамала, 1973 г.р., осудили по ст. 159. По всей республике тысячитысячи людей по этой же статье на разные сроки посадили. В зону начали приезжать этапом каждую неделю десятки молодых людей по ст.159. Когда я с ними общался, узнал что это – исламская политическая партия «Хизбут-Тахрир». Я с ними не расходился во взглядах, и считаю так до сих пор.

В начале 1999 г. приехал этапом в Таваксай мой брат Сайдкамал. Я очень переживал за своих родителей, с которыми остались только жена брата и двое его детей, а работать – нету никого. Я узнал, что брату подбросили наркотики и листок «Хизбут-Тахрир».

В зоне было тяжело невыносимо. Бесконечный изолятор и пытки стали естественным делом. Забрали все книги, рукописи, что попало, и этому не было конца.

Настал 2000 год. Меня закрыли на месяц в изолятор, после этого два раза еще добавляли изолятор, и я знал, что мне хотят добавить срок по ст. 121 – «Злостное нарушение режима содержания». Сам начальник зоны Мирмахмудов позвал меня к себе и сказал, что СНБ этого требует. Я ему сказал, что лишь бы моему брату не грозило ничего такого, и он обещал помогать брату моему, чтобы его не «раскрутили».

В общем, меня закрыли в изолятор на расследование. И Газалкентский районный суд приговорил меня к 3,5 годам строгого режима. Около года я отбывал наказание в одной колонии со своим братом. Тяжело было мне тогда, тяжело было на следствии и на суде. Я очень настрадался, потерял аппетит, перестал есть. Страшно переживал. В те годы в Каракалпакстане, в Приаралье, открылась зона для политических заключенных. Слухи об ужасных пытках там слышали каждый день. И самое худшее, что я слышал – там запрещено молиться. Это для меня было самым-самым страшным. Я был готов умереть. Но жить, не совершая пятикратной молитвы, для меня было невозможно!

Мне сказали, что меня отправят туда, в «Джаслык» – так называли эту зону, в которой люди сидели в камерах за двухслойными железными дверями и решетками и почти голодали. Нельзя было сидеть на шконке с 6 часов до 10 утра, сидели на ногах в различных положениях. Нельзя было молиться. Доставляли туда вертолетом. Когда осужденный проходил через живой коридор, его избивали дубинками со всех сторон – пока дойдешь до камеры, искалечат. Из первого же этапа там умерли 35 человек. Начальником этой зоны стал начальник режимной части СИ-9 Бабаджанов.

Ужас что творили в этом Джаслыке – мы только слышали от тех, кто там побывал. Я потом с ними встречался везде и много чего узнал. Мне грозил этап туда. Я предпочитал смерть, чем жить без молитвы. Это были трудные испытания Всевышнего для своих рабов.

Друзей моих, которые освободились, взяли под контроль местные РОВД. И они тоже были в тяжелом положении на воле – за ними постоянно следили. Они как-то приехали на Таваксай и узнали, что меня там нет, что меня отправили на другую зону с новым сроком – в декабре месяце меня забрали и отправили по этапу с другими осужденными поездом на КИН-46.

Часть IV

2000-2004 г.г., (Цемьзавод) КИН№46.

Я приехал в зону строгого режима №46 в Навоийской обл., в пустынном месте, рядом с которым был цементный завод, 10 декабря 2000 года.

Зона эта была, по воровским терминам, «красной» или «гадской». Там наводили порядок не уголовные авторитеты, а наоборот, так называемые активисты – «отделение соблюдения порядка». Они ходили с повязкой на руке и выполняли почти 90% всего, что касается режима, в отношении осужденных. Их председатель по имени Гера был бывший авторитет. За свою судьбу он и согласился стать активистом, и теперь администрация учреждения его руками стала ломать других авторитетов из уголовного мира, приехавших на КИН-46 с этапом. Помоему, уничтожение уголовных авторитетов тоже было одобрено президентом. В те годы, когда я сидел, сломали, то есть, из «черных» превратили в «красные», десятки зон, которые при Союзе были «черными». Из всех этих зон авторитетов привозили именно на 46-ю и здесь ломали.

Здесь имеется целая процедура ломки, каждый этапник должен пройти через это, потом только войдет в зону. Это как в российских понятиях «Белый Лебедь», где авторитетов-воров ломают. Хозяин этой зоны, подполковник Азиз Базарович Мардонов, тоже был известен среди уголовного мира своими жестокими методами. Его уважали, потому что все боялись. Он еще не дал ни одному авторитету выйти живым, пока тот не сделает то, что он требует.

Процедура включает:
Протягивать «барана» по запреткам;
Собрать ведро камней из запретной зоны;
Написать на имя начальника учреждения заяву,
что хочешь стать «активистом».
Выучить наизусть гимн Узбекистана и сдать
экзамен на узбекском языке
Взять из канализации ведро, полное говна, и
тащить 150 м на виду у всех.
Мыть полы карантинного барака. И так далее.

Вся эта процедура производится в первый же день. Все это считается неподобающим делом для тех, кто придерживается воровских идей. После этого они не могут стать «отрицаловой» или «блатными». Это означает конец воровской карьеры. С теми, кто откажется от этого, тут же приступает к «работе» бригада активистов во главе с Герой, с арматурой, доской или тросом в руках. Управа дает «добро» на 2-3 трупа – это для того, чтобы другие боялись. И таким образом, один за другим, сломали всех авторитетов, сейчас в республике не осталось ни одной «черной» зоны. Там, в общем итоге, двадцать две зоны имеются. В этой зоне были даны соответствующие указания, как быть с нами, то есть, теми, кто по ст.159 был осужден – нас звали «вовчиками». Армия палачей хорошо выполняла свои дела.

Из-за того, что рядом был Цементный завод, зону тоже называли среди осужденных «Цемзавод». В этой зоне режим был строгим или, можно сказать, очень строгим. На промзоне была дробилка. Три дробилки работали круглосуточно, и кроме этого, осужденные дробили камень ручными молотками. И был еще цех столбов.

Оттуда мы, как конвейер, таскали носилками на бетономешалки щебень с дробилки, оттуда бетон в цех формовки, оттуда гоняли формовки на парилки, с парилки на складскую площадку, а с этой складской площадки потом грузили в вагоны. 5-10 вагонов в сутки отправляли куда-то. И все это голыми руками производили. И так круглосуточно работали. Очень-очень было тяжело работать.

Я в карантинном бараке 12 дней пробыл, молитвы читал – или после отбоя, лежа, или во время проверки, когда можно было простоять на ногах целый час. Пятикратные молитвы читал только мысленно, качая головой. Самое трудное было умываться. Нам не давали умываться: туалет 2 раза в день, 20 минут разрешали. Там 100 человек, в туалете 10 мест. Не успевали сходить, а умываться – тем более.

Тогда со мной был Бекчанов Мухаммад – брат Мухаммада Салиха, лидера партии «Эрк», еще Хафизулло Насиров – лидер партии «Хизбут Тахрир», и еще несколько человек по ст. 159. Нас во время перекура и после отбоя заставляли заниматься уборкой, чистить снег, мыть дорожные плиты на улице мокрыми тряпками, и еще часто кричали: «быстрее, быстрее!». Все арестанты целыми днями шагали по плитам гусиными шагами или бегали, и так далее. После отбоя уголовники отдыхают, а нам – уборка, и убираем туалеты. И всякие другие унижения.

Сразу по прибытии всех, у кого ст. 159, – под пытки. Заставляли писать прошения на имя Президента. Нас звали «врагами народа». Это все делали «гады» – не милиционеры.

Они по одному звали нас в штаб, и по 4-5 офицеров «для знакомства» ломали всех, кто заходил в кабинет опера. Через час осужденный или сам выходил, или нас вызывали забрать его.

Там был зам.начальника по имени Санакул – толстяк ростом 1,5 м, он был человеком тупым, грубым и вообще бессердечным. Он меня много раз унижал, оскорблял и пытал. И, кроме всего, он был человеком неверующим, и несколько раз в кабинете при мне оскорблял Аллаха, пророка и исламскую религию, не говоря уже обо мне самом. Я все время удивлялся тому, насколько терпелив Аллах: его рабы его оскорбляют и унижают его слова, т.е, Коран, но он сразу не наказывает. Он милостивый и всепрощающий. Санакул два раза показывал мне портрет Каримова на стене над его столом и говорил: «Вот это и есть бог! Все остальное – ложь». В 2005 году этот человек был осужден на 7 лет лишения свободы, и думаю, еще не освобожден.

Сам начальник учреждения А.Б.Мардонов один раз с нами разговаривал. Он был высокого роста – до двух метров, весом, наверное, 150 кг, в очках. Очень высокомерный был он офицер. Рядом все время Гера – председатель активистов. Но начальник был намного умнее своего зама. Он, как сам сказал, верит в Бога, но мы – люди заблуждавшиеся, и мы «враги народа». Он говорил, что все, что делает президент – для народа только благо! Его мы должны уважать, его сам Бог избрал для нашего народа Президентом. Кто ему против что скажет, он есть враг народа и он не мусульманин. Мусульманин должен уважать своего президента, кто бы он ни был. И все в этом роде. Он в это верил и сам, наверное!

В общем, в этой зоне я был 3,5 года – с декабря 2000 до 9 мая 2004 года. В первые два года, 2001-2002, я испытал на своей шкуре такие пытки, унижения и оскорбления, которых мне на сто лет хватит. Их я никогда в своей жизни не забуду, и наверное, именно эти годы будут для меня очень дорого стоить в день Суда перед Аллахом. Я на это и надеюсь.

В каждом отряде был завхоз и 4-5 активистов (гадов). И в каждом отряде было 40-50 тех, кто сидит по ст.159. С нами с утра до вечера и занимались активисты. Нас ненавидели и уголовники, так как мы были люди не их понятий. Нас будили до подъема, заставляли чистить снег и туалет и следили, чтобы мы не молились. И кто читал молитву, их активисты сразу записывают, а утром, когда придет отрядник, дают ему списки тех, кто читал намаз. Отрядники одного сектора вчетвером собираются и в кабинете по одному нас «воспитывают» – ругают и по очереди бьют, чтобы мы сказали, что больше не будем молиться. И дают указания активистам, чтобы 10 дней подряд давал нам наказания. И таким образом – каждый день. Каждый отряд должен месяц чистить туалет и умывальник, но из каждого отряда чистить туалет будут нарушители, то есть мы, мусульмане, которые по 159-й статье.

В каждом отряде 250 человек, в секторе около 1000, туалет 10-местный. В отряде шконка трехъярусная, проходы узкие. Но 30-40 человекам все равно не хватает мест. Это значит, мы. Нас клали на третьем ярусе, посередине между двумя мужиками. Без матраса, без одеял, без миски и ложки.

Там можно за пайку хлеба ложку «купить» и еще три пайки хлеба – «миску», до этого есть не могли. Мы не могли раздеваться и спать, как люди – это невозможно. Бушлаты нам дали старые-старые, вонючие – старались унижить всячески нас перед уголовниками. А когда мы нашли другие, не разрешили одевать, чтобы мы не выглядели нормальными – мы же враги народа, хорошо, что они нас не убили, еще дали жить, хотя и не очень приятно!

Отрядники по несколько раз бьют за то, что мы читаем молитвы. А если кто продолжал читать, тогда нас после отбоя отправляли к операм и они с нами занимались. После тяжелого дня придет активист, скажет, что давай – тебя в штаб зовут. Это был ужас. Пойдешь, там возле кабинета еще несколько арестантов – мусульман-братьев, будем ждать, пока кто выйдет, потом, чья очередь, зайдет. Там слышно, как бьют и как кричит арестант, и как ругают. Мы стоим, ждем своей очереди. Спать хочется – не можем спать. Активисты ночной смены рядом стоят, курят, между собой разговаривают. Они утром пойдут спать, а мы получим свое «наказание» и уйдем в 3 или 4 часа, а утром в 6 часов подъем. На промке тоже работа тяжелая, питание – вода без картошки, без мяса, только капуста. Бугры, в руке палки, кричат «давайдавай!». Нам курить нельзя и цифирь нельзя. Уголовникам можно. На промке есть общий старший бригадир по имени Шакир, он тоже арестант, но он – как генерал армии. Его боятся все другие бригады. Он, хотя больше 120 кг, при виде начальника промзоны майора Жанпулата прыгает как кошка.

Как в промзону войдет майор, он встречает его возле ворот и сопровождает его везде, где бы тот ни ходил. Большое было чувство страха у всех, и все это было не в 37 году при Сталине, а в 2001 году. Сталин, наверное, завидовал бы, если бы узнал, что есть в мире еще способные устрашать людей лучше, чем он. Дай бог, чтобы вечно мучиться всем этим людям в аду! Аминь!

Этот проклятый вагон придет, нас оставят на вторую смену, а если не загрузим, на третью. Были случаи, что сутками работали. Один столб по четыре человека поднимем и тащим до вагона, сидеть нельзя. Везде быстро-быстро, крик. Если кого-то рука или нога болит или что-то упадет, это ерунда. Но если столб сломаешь, это уже беда. Душманами нас звали, но кто?! У нас у всех язык один, нация одна, и вера одна, и даже родина одна, только 159 ст., и все. Питание для активистов густое, но для нас суп – только вода. Голод все время мучил. Покурить не было. Передачи нам – по 8 кг за три месяца, а другим сколько хочешь.

Свидание им трое суток, а нам одни сутки. Перед свиданием оперативники консультируют, чтобы там ничего лишнего не говорить, там все прослушивается, потом хуже будет. Переодевают в более нормальную одежду, и потом – на свидание. В комнате свиданки при виде своих можешь только плакать – то ли из-за радости, то ли из-за унижения, то ли из-за возможностей, которых до этого не нашел, и то – потише только! Но свидание 2 раза в год положено было. Тем, кто был женат и приехала жена, еще хуже. Как спать с женой?! Это уже невозможно, ни физически, ни морально.

Какие трудности переживали женщины мусульманки, не могу представить! Если кто терпеливо вышел из таких испытаний, пусть будет им милость Аллаха и вознаграждение на этом и на том свете. Но были случаи, что несколько семей развелись.

Вскоре после моего приезда в зону КИН-46 кончился 2000 год и начался новый, 2001 год. Сначала я попал в 9 отряд 3-го сектора. Там и встретил первый год нового тысячелетия. В январе месяце, к моему большому удивлению, меня позвали на свидание. Кто мог прийти, я начал догадываться. Отец-мать были старые, пенсионеры, сами они не могли приехать. Младший брат сидел тоже в зоне № 1. Двое старших дошли до того, что не могут даже прокормить своих детей. Работы нет, денег нет, и так далее. В Таваксае я, сколько сидел, один только раз был на длительном свидании с родителями. Старший брат их на своей машине както привез. Жены у меня нету. Кроме родителей, я ни с кем на длительном свидании не могу побыть.

Но и здесь ко мне приехали отец и мать с двумя мешками продуктов. И они рассказали, что двое моих друзей по Таваксаю, Абдуллох и Абдураззак, приехали в мой город Турткуль, взяли моих родителей и продукты и привезли на свиданку. Сами они поехали ночевать в гостиницу, написали мне там письмо и передали маме, чтобы мне отдала. Но при шмоне его забрали. Я не обратил на это письмо внимания: забрали – пусть забирают. Главное, что я впервые за несколько лет встретился с родителями, это уже счастье! Да еще приятно, что обо мне вспомнили мои старые друзья, пусть сам Аллах вознаградит их!

Так прошла ночь, до утра мы не спали, только разговаривали. Я им не стал рассказывать, что творится на этой зоне. Не хотел их огорчать, они были и так больные и старые люди. Но утром пришел зам.начальника учреждения ст. лейтенант Санакул, позвал в другую комнату, вытащил письмо из кармана и стал спрашивать. Судя по вопросам, там были имена нескольких человек, освободившихся из Тавакся. О том, где они сейчас работают, кто женился, кто поехал куда, и так далее. Но все в этом роде. Он стал мне угрожать, кричать, что это все бандиты, террористы, и я должен все рассказать, и так далее. После 20-минутной беседы он меня отпустил. Я пошел к родителям и старался не показать свою печаль им. Они были очень довольны добротой моих друзей и все время хвалили их мне.

Через пару часов меня вывели со свидания и я попрощался с родителями. Потом меня с сумками в руках заперли в пустой комнате, и там я просидел 4-5 часов, не знаю, почему. После этого два офицера проводили меня оттуда в изолятор и закрыли в нулевой камере – камере ожидания. Через несколько часов я узнал, что в тот момент, когда мои друзья приехали утром забрать моих родителей, их ждала там группа захвата, там их и арестовали и отвезли куда-то. А мои родители со своими сумками, продуктами, которые не разрешили – лишние 8 кг, – поехали своим ходом на вокзал и на автобусе как-то добирались 700 км до дома.

Меня привели на прием к начальнику учреждения А. Б. Мардонову. Полковник словесно оскорблял меня, сказал, что я ввожу в заблуждение столько

людей, и они тоже будут страдать, грехи за их страдания – на моей совести. Я хотел что-то сказать и не мог. Мне дали 10 суток изолятора, и тут же 10-15 офицеров как стали бить меня – до этого в жизни такого еще не было и, наверное, не будет! Двое отвели меня в камеру, бросили там, и я потерял сознание. Так я вышел из первого и последнего свидания своего срока.

Я в одиночной камере лежал. Там узкая камера, бетон кругом, и пол тоже, в углу ведро. И все. Камера холодная была, это был январь или февраль 2001 г. Я очень боялся за судьбу своих друзей – что с ними будет?! Я переживал за них, и за себя, и за своего брата, который в Таваксае остался. И думал все время, зачем это проклятое письмо писали вообще?! Потом узнал, что тогда вместе с двумя моими друзьями еще семерых арестовали – кого-то из их соседей или друзей, я даже не знаю, кого. В общем итоге, 9 человек по ст. 159 на разные сроки посадили. Но почему-то по этому делу мне никаких обвинений не предъявили. Зато два раза по 10 суток изолятора, и натренировались на мне. Потом перевели из нерабочего отряда в рабочий сектор, в 3-й отряд, 30-ю бригаду, где я начал работать на дробилке.

На промзону и в 3 отряд я попал в один и тот же день с Бекчановым Мухаммадом – братом лидера оппозиционной партии «Эрк». Его привезли из Киева, как он сам рассказал – дали срок 15 лет по ст. 159, ему и многим другим. Процесс этот я видел по телевидению, там судили 15 человек, из них 5-6 были в зале суда, остальных заочно – поставили их фотографии и дали сроки.

Среди них были и Тахир Юлдашев – лидер так называемого «Исламского движения Узбекистана», и Мадаминов Салай (Мухаммад Салих) – лидер оппозиционной партии «Эрк», и так далее.

При входе в каждый отряд была стенгазета, и там была фотография Мухаммада Салиха, а внизу было написано «Ватан хоини», то есть, «предатель Родины». И нас заставляли при входе плевать на эту фотографию в знак презрения. И понимаете, что Бекчанов Мухаммад был родной брат этого лидера, хотя у них и фамилии разные?!

Нам, лично мне, запретили ходить в туалет после отбоя до подъема. Днем тоже не в одиночку – ходить в туалет по нужде я должен был вместе с одним из активистов. Этот случай, я думаю, единичный в мировой истории. Может быть, против меня уже настроили всех кто был в этом отряде, и отрядника тоже, поэтому они с первого дня начали смотреть на меня с презрением. Отрядник – молодой лейтенант, еще неопытный, начал на мне тренироваться, набираться опыта – ругать и бить. Я с утра ухожу на работу, прихожу вечером, днем я его не видел. После отбоя он звал меня на «беседу», и до утра с другими отрядниками они «воспитывали» меня. Это все, несомненно, был устный указ А.Б. Мардонова. Он знал, кого и как сломать.

Каждый день после работы мы с Бекчановым воду таскали, поливали цветы вокруг отряда и убрали туалет. Мы с ним вместе работали на дробилке, и там я был свидетелем очередного зверства против мусульман в истории человечества. В промзоне был туалет, а под ним большая яма, в которую можно по ступенькам спускаться до дна.

Обычно арестанты ведрами это говно таскали, когда оно поднимается вверх. Я видел, как из промзоновского штаба привели к яме четверых арестантов, лидеров «Хизбут-Тахрир». И среди бела дня, прямо на промзоне несколько активистов во главе с бригадиром промзоны Шакиром спустили их в яму, прямо в самое говно. Там было страшное зрелище. Дробилка была примерно в 100 м от туалета – я видел, когда их спускали в яму и когда поднимали вверх, все вонючие, в говне, мокрые с головы до ног. Их отвели в баню, помыли, переодели и отвели в изолятор.

Потом, когда об этом я спросил у Хафизули, он говорил что начальник промзоны от него потребовал писать Каримову письмо, от чего он отказался. За это этих четверых там избили и потом отправили в туалетную яму. Но когда только приехали на зону, все ведь писали на карантине, – спросил я? Он ответил, что да, писал, а теперь еще раз хотели, чтобы он написал, но в этот раз он отказался.

Я на носилках с Бекчановым щебень таскал, с дробилки на бетономешалку, 200 метров. Бекчанову было около 50 лет, он простой человек был – разговаривал на своем хорезмском диалекте узбекского языка, а не по-ташкентски, что считается у нас признаком интеллигентства. Он, как я заметил, намаз не совершал, не был религиозным человеком. И он боялся бригадиров – при виде их старался быстрее работать. Он был сильнее, чем я, но когда эти бригадиры ругали или били его, молчал. Я, наоборот, старался тоже ругать или кричать.

Я с ним много обо всем беседовал, хотел узнать побольше про его брата и его идею, и так далее. Лидера партии «Эрк» я никогда не видел, только по телевидению в 1992 г. И слышал его передачи по радио «Свободы» много раз. И, судя его речам и речам президента Каримова, если их сравнить, я думаю, что тот человек намного лучше и умнее, чем этот диктатор. Что касается брата Салиха, Мухаммада Бекчанова, то он, как я заметил, не компетентный человек ни в политике, ни в религии. Но это, всего лишь, мое мнение, вполне возможно, что я его недооцениваю.

Однажды я отказался поднять столб и тащить на склад. Бригадир меня привел к старшему бригадиру Шакиру, чтобы тот меня научил работать. До этого я нашел на земле старое лезвие, оно было у меня в кармане. Я его незаметно взял в руки, а когда вышел Шакир и хотел меня ударить, я закричал, ему: «На! Если хочешь пить мою кровь – пей!», и начал лезвием резать вену на своей левой руке. На меня сразу набросились 4-5 человек, скрутили руки назад, избили руками и ногами и отвели в штаб. Там оформили документ, что отказался от работы, и закрыли меня на 15 суток в изолятор.

В изоляторе было намного тише и спокойнее. Но там от голода и холода страдали. И там тоже запрет был молиться. Начальник оперчасти 46-й зоны был худой, черный, по имени Шавкат. Он меня называл террористом, он в тот раз меня закрыл, хотя я не был виновен ни в чем. Это был мой третий раз в изоляторе, а в зоне я был уже четвертый месяц.

Дневальный изолятора видел, что я там читаю намаз, стучал обо мне режимнику Хасану. Хасан пришел со своими дубинками и так бил меня, что мне на сто лет хватит этой пытки. И слава Аллаху, что это было все за то, что я молился Аллаху! При мысли об этом я душой успокоился. Но не мог сидеть и лежать, плакал, читая Коран, который наизусть знаю, просил себе смерть от Аллаха. Тогда, если я умру, будучи мучеником, мне будет лучше в день Суда.

Но я так и не умер. Я не представлял, как быть и жить дальше?! Я искал выход, чтобы попасть на другую зону. Или в «Сангород», где так не бьют. Или как-то выйти из этой проклятой зоны. Но как?! Убивать одного из ментов или одного из активистов? Но тогда я опять получу срок. Или на запретку бросаться? Солдат застрелит, и все! Но как я подойду туда?! Варианта не нашел. Я видел, как один арестант пробрался на вышку возле штаба в промзоне и потребовал, чтобы пришел офицер. Когда пришли оперативники, его уговорили спуститься, и, как только он спустился, его тут же схватили и отвели в изолятор. А там избили хорошенько, добавили срок по каким-то статьям и отправили на другую зону. Там часто кому-то из наших, по 10-15 человек, изменяли режим и отправляли на другую зону.

Я решил или резать живот, или глотать ложки, чтобы, когда начнется приступ, отвезли в больницу на операцию. А там я потребую, чтобы позвали прокурора, и все расскажу. План мой был несколько глупым, но я не мог найти другого, и терпеть тоже не мог! В санчасти есть весы – я, когда взвесился, оказалось, 54 кг весил.

А в Таваксае я был 91 кг. Я не мог представить, что человек может за 4 месяца сбросить 40 кг! Но оказалось, что вполне возможно.

Итак, я решил глотать ложку. Нашел чайную ложку среднего размера и согнул так, чтобы можно было глотать. Утром с трудом проглотил ложку, сверху съел снега немного и пошел на завтрак. Но и не смог сдержаться и съел завтрак – постоянно меня мучил голод. После этого написал заявление на имя Мардонова о том, что меня здесь так мучают – хуже, чем любого зверя. Не дают читать молитвы, все время оскорбляют и унижают, но за что?! Я что вообще сделал?! Почему это все?! Я мусульманин – из-за моих религиозных убеждений, что ли, я так страдаю?! Вы считаете себя мусульманином – не боитесь ли вы, что вас Аллах накажет за все это?! И все в таком же роде. Письмо бросил в ящик возле штаба во время проверки.

Прошел обед – тишина, вечер – тишина. Я жду, что вот-вот начнется в желудке сильная боль, приступ, я начну кричать и скажу, что глотал ложку. Заранее притворяться я не мог. В итоге, прошли сутки. Утром меня отрядник вызвал, там сидели четверо офицеров, и начали бить – почему я пытался обмануть начальство, что глотал ложку, хотя не глотал?! Я говорю, что уже вчера утром глотал ложку! Они смеются и говорят: «Если б это было так, тебя бы уже вчера отправили на операцию. Прошли сутки, и не было ничего. Ты обманщик!». Они стали бить по почкам, по животу. Я уже действительно боялся, что ложка внутри желудка может все порвать, и точно буду умирать. Но тогда они отпустили. Я плакал, хотел умереть, даже ждал смерти, думал, что ложка порвала желудок, и произойдет что-то.

Они не верят, но сам-то я же знаю, что глотал ложку! Но я не дождался, и даже не заметил в туалете, чтобы ложка вышла. Я до сих пор не знаю, куда пропала ложка?!

Это было для меня чудо какое-то. Я не знаю, что было с ложкой, но со мной было еще что-то. Меня закрыли в изолятор на 15 суток, а прежде, чем закрыть, меня обрабатывал начальник режимной части по имени Салим, усатый черный майор. Он строго указал постовым, чтобы меня научили, как вести себя. Те, в свою очередь, заставили меня полы мыть, хотя там есть свои дневальные. Пайки в изоляторе были пониженные. Хотя и в зоне тоже недостаточно было, но в изоляторе еще хуже. Там, пока сидишь, страшно голодаешь и от холода спать не можешь. Почки и голова начали беспокоить.

После всего этого режимник – молодой лейтенант по имени Шахобиддин, – как-то обход делал по хатам и от меня стал требовать снять теплые белье, которое надето был у меня под робой. Этим он хотел мне еще больше страданий причинить. Все действия администрации были направлены на то, чтобы уничтожить меня медленной и мучительной смертью! Я отказался снять, сказал, что это можно носить в зимний период, так как в зоне не дают теплые белье. Тот лейтенант пошел, написал на меня жалобы и всякую ерунду, и я на 7 суток попал в изолятор. Меня опять вызвали к начальнику и за то, что я оскорблял режимника, дали один месяц карцера в одиночной камере.

А через неделю туда в изолятор, на КИН-46 привезли в соседнюю камеру знаменитого еще при Союзе Ахмаджона Адилова из зоны №48 для раскрутки, так как у него срок приближался к концу.

Он с 1984 года из зоны в зону катался, каждый раз добавляли новый срок. Я не знаю, чем не угодил он президенту? Но он уже был 80-летний старик, седой и в очках. Ничего не было в нем такого страшного. Говорят, его боялись все, даже сам Рашидов. Почему так – не знаю. Но Каримов тоже боялся, наверное. С ним час беседовали и начальник режимной части, майор Салим, и другие. Его не били. И ему кипяток давали не два раза, как нам, а сколько надо. И еще матрас, и передачи с воли тоже передавали. Судя по беседам про религию и политику, я знал, что старик далек от исламской идеологии, хотя и молился пятикратно. И с точки зрения политики, он тоже не имел определенной позиции. Не знаю, как и чем он прославился в свое время?!

Также на три месяца посадили в карцер и Хафизулло – лидера «Хизбут-Тахрира».

В итоге, я там просидел еще месяц, после этого в изолятор перевели, и там еще оставшийся срок додержали. Там был случай, когда режимник со своей дубинкой, пьяный был, натренировался на мне, и через день меня освободили.

Я не мог выкупаться, постирать свои вещи, весь в вонючем виде, и вдруг меня вызвали в штаб и сказали, что я сегодня иду на этап в «Сангород»! Туда попасть было мечтой для меня. Я уже там был один месяц, в 1998 г., из-за болезни головного мозга. Там было намного лучше. И туда попасть из КИН-46 было очень тяжело – другие осужденные туда в результате больших затрат ездили. Как я туда поеду бесплатно?! Не знаю.

Этап составили из 20 человек: 10 было из партии «Хизбут-Тахрир» и 10 – из так называемых «ваххабитов». А статьи у всех были одинаковыми. Я поехал на этап с имамом Кокандской соборной мечети «Хаваканд» Мухаммад-Раджабом. Он приехал на 46-ю недавно из КИН-33 и попал во второй сектор. Почему-то его тоже этапировали на «Сангород». Нас поездом отправили в Ташкент, и оттуда машиной на «Сангород». Там, на туберкулезной зоне, нас распределили по разным отрядам.

При осмотре меня отказывались принимать – думали, что умру. Я им сказал, что только вышел из изолятора и что там меня били. Но потом пришли опера и уговорили написать, что я сам упал с лестницы и получил травму. Я тогда им сказал, что еще месяц назад ложку глотал. Меня сразу отправили на рентген, там сказали, что у меня желудок чистый, что я их обманул. Это было для меня своеобразной радостью. Я благодарил Аллаха, что эта ложка, все-таки, мне не навредила. Это было моей слабостью – мне надо было терпеть все испытания, не надо было глотать ложки. Но я ее, все-таки, глотал, и никого в этом не обманул. И куда девалась эта ложка, я не знаю! Может, голодный желудок переварил эту ложку? Может, прошла? Это уже сам Аллах знает.

Целью нашего приезда было заразить нас инфекционными болезнями и ускорить нашу смерть. Нас держали среди тяжело больных осужденных, умирающих почти каждый день. И через месяц меня обратно отправили этапом 46-ю. Тех, кто был со мной тогда, потом, как я слышал, отправили в «Джаслык». А я так и не заразился туберкулезом. Аллах сам хранил меня, и я его благодарю за это.

Итак, приехал я обратно в зону №46, пошел на работу в цех столбов, и все снова так, как было. Из-за драки с бригадиром еще два раза сидел в изоляторе. В общем, я в 46-й 12 раз в изоляторе и 1 раз в карцере побывал. В Таваксае – чуть больше: 14 раз в изоляторе и 1 в карцере. При таком положении дел, сказали мне, меня опять закрутят по ст. 121. Это уже было тяжело для меня.

Вышла амнистия. Я думал, что брата освободят, но зря. И из 46-й мало кого освободили. Всех заставили писать, сказали, кто пишет прошения на имя президента, того освободит. Но, вроде, все писали и никого не освободили. Была в зоне два раза голодовка осужденных по 159-й, изза этого тоже 10-15 человек раскрутили – мол, требовали, чтобы нам разрешали молиться и разрешали пост держать в месяц Рамазан. Потом начали приезжать комиссии: из президентского аппарата (в ее составе был имам из Духовного управления), из СНБ и из Верховного суда Республики Узбекистан. Приезжали на каждую зону по несколько раз, и в КИН-46 тоже. Когда они приехали, всех, кто осужден по ст.159, около 300-400 человек, вызвали в зимний клуб. Комиссия сидела за столами по три или четыре человека, и нас вызывали по одному. У них был список из 20-30 вопросов, они их по очереди задавали, мы отвечали и они отмечали «+» или «-». Они уехали, через 3-4 месяца приехали еще раз, и так далее. Таким образом, кого-то освободили по амнистии, а кого-то нет. Я был осужден не по ст.159, а по ст.121, а еще раньше – по ст.173, и считался чистым уголовником. Но по существу, я был такой же, как они, то есть, «сто-пятьдесят-девятые».

Потом началась игра в демократию. Однажды собрали всех осужденных в летний клуб, поставили микрофон, и сам начальник потребовал: у кого какие жалобы есть, пусть говорит по микрофону – никто не накажет, и это он гарантирует. И я встал с места, подошел к микрофону и сказал, что уже сижу 7 лет и не одну зону повидал, но таких, как 46-я, нигде, наверное, в мире нет. Сказал все, что мог. Сказал даже, как меня на стройке бригадиры били, синяк род глазом у меня еще стоял. Это было, как своеобразный героизм – до меня никто не выступал и после меня тоже. Все ждали, что будет со мной. Но, к моему большому удивлению, меня не посадили в изолятор. Вообще не трогали. Наоборот, освободили из промзоны, перевели в 13-й (нерабочий) отряд 3-го сектора и отправили в санчасть на лечение. Там я, хоть и не лечился, но отдыхал 10 дней. Это было большое счастье для меня! И я благодарил Аллаха и удивлялся тому, что творится – понять не мог!

Но потом понял, что все зоны начали разгружать. Сняли везде третьи ярусы, людей ежедневно по 100-150 человек поспешно отправляли куда-то. Раздали новые простыни, белье и арестантскую одежду. Меня тоже вызвали на этап и отправили на КИН-1 в Ташкентскую область, Зангиотинский р-н.

Мы добрались туда в страшном виде, вонючие от пота. Было жарко. Там нас – меня и троих по ст. 159, – закрыли в изолятор на 15 суток, остальных выпустили в зону. Мы там лежали еще 15 суток, потом нас отправили этапом в Таштюрьму СИ-1, а оттуда через неделю – опять на 46-ю.

И тогда нам рассказали, что приехала в зону комиссия Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца, они по всей зоне ходили, но никто с ними не хотел общаться, и через три дня они уехали, сказав, что опять приедут. И через полгода опять приехали, но в этот раз нас не отправляли никуда. Я тоже их видел, но нам сказали, что не надо ни на что жаловаться, так как они уедут, а мы здесь, и я тогда не решился им что-то сказать. Да еще и не верил в результаты. Но один друг, которые не знает русского языка, попросил, чтобы я переводил его слова, и так я стал переводчиком. Я им переводил его слова на русский, а их переводчик на немецкий (или английский, не знаю). После этого вызвали нас в штаб, и пришлось еще пару раз сидеть в изоляторе.

Положение стало как-то терпимее. Бить стали меньше. Все это означало, что начинаются какие-то перемены. Изменения к лучшему были в 2002 году – тогда освободили 20-40 человек. В 2003 году, 8 декабря был амнистия, по которой освободился мой брат из Тавакся – он освободился в январе месяце 2004 года. Тогда мне оставалось до освобождения 5 месяцев.

Я так и не попал под амнистию и освободился в 2004 году, 8 мая, со звонком, как говорится. Навоийский суд приговорил меня к 6 месяцам надзора на воле, и я, не веря своим глазам, но с большой благодарностью своему Создателю, поехал домой на автобусе!

Можайск СИЗО

